

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski

<http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Конармия Исаака Бабеля: еврейские контексты

ARMIA KONNA IZAKA BABLA: KONTEKSTY ŻYDOWSKIE

Streszczenie: Obiekt analizy stanowią wybrane z tekstu Babla zdania i połączenia wyrazowe, w których zawarte są odniesienia do tematyki żydowskiej w kontekście egzystencji Żydów na tle grabieży i działań wojennych w okresie wojny domowej na początku lat 20. XX wieku. Omawiane wydarzenia rozgrywają się na terytorium wschodniej Polski i zachodniej Ukrainy. Pojawienie się przedstawicieli lokalnego środowiska żydowskiego, ich wygląd zewnętrzny, zajęcia, odzież, zachowanie, jak również stosunek otoczenia do nich, wzajemne relacje wewnętrz rodzinny i wspólnoty oraz pomiędzy wspólnotami są obiektem stopniowej klasyfikacji semantycznej. Autor wydziela grupy i podgrupy, których ilustracyjny opis i charakterystyka pozwalały zauważać i zrozumieć nie tylko zachodzące wydarzenia, lecz także to, czym jest przedstawiony w utworze Babla świat żydowskiej egzystencji. Skutkiem takiego podejścia jest semantyczny, oparty na wyróżnianych cechach opis tego, co składa się na żydowskie właściwości i żydowską specyfikę zarówno w odniesieniu do opisanego w tekście utworu czasu i przestrzeni, jak i w szerszej perspektywie.

Słowa kluczowe: konteksty definicyjne, semantyka, cechy semantyczne, konceptualność, parametry opisu

ISAAC BABEL'S CONARMY: JEWISH CONTEXTS

Summary: The references to the Jewish theme selected from Babel's text, occurring in the form of sentences and phrases, formed the subject of analysis, the meaning of which was determined by the representation of the image of Jewish existence against the background of looting, military operations during the civil war of the early 20s of the twentieth century. The events are taking place on the territory of eastern Poland and western Ukraine. The appearance of representatives of the local Jewish environment, their appearance, occupations, clothes, actions, behavior, as well as attitudes towards them from others, their relationships with these others, their internal relationships — in the family, in the community, between communities, among themselves — all this becomes the object of a consistent semantic distribution. There are distinguished groups and subgroups, the visual, viewable description and characteristics of which make it possible to see and understand not only what is happening, but also what the world of Jewish existence depicted by Babel in his work represented. The consequence of the proposed consideration could be a semantic, according to the highlighted features, characterizing the description of what constitutes Jewish features and Jewish specifics, both in relation to the time and space shown in Babel, and in a broader perspective.

Keywords: defining contexts, semantics, semantic features, conceptuality, description parameters

В связи с заявленной темой и в отношении к тексту произведения Исаака Бабеля первое, над чем стоит задуматься, это то, почему в Конармии довольно последовательно появляются обозначенные контексты и какова их возможная роль. Не хо-

телось бы отвечать на этот вопрос обобщенно и однозначно, сделав это предметом дальнейшего рассмотрения с заключающим выводом и подчинив ему, в большей либо в меньшей мере, последующее. Поставив этот вопрос, имеет смысл обратиться к тому, что можно себе представить как позицию автора. Позицию, которая не только предполагает его присутствие, иногда непосредственно отраженное в тексте, но и дает возможность читателю увидеть происходящее глазами и с точки зрения повествователя. Не как стороннего наблюдателя, а как участника, наравне и в ряду с другими¹. Описываемое и представляемое у Бабеля в этом смысле можно воспринимать как хронику отображаемых событий² с теми, кто в них себя проявляет и действует. В них себя проявляет и действует также и пишущий.

С тем чтобы подойти к анализу выбранных из произведения контекстов, с определением в нем позиции автора, касаясь вопроса этой позиции, можно представить ее себе как вхождение – в толщу пространства изображаемого бытия. И таким же вхождением, в толще имеющегося, движущегося в ней существования, было бы то, что связывается в нем с еврейским наличием и присутствием. Авторское положение в том, что показывается и отображается, и это следует уточнить, не чуждо и не сторонне в нем, но и не тождественно, не эквивалентно ему, не совпадает с ним и себя с ним не идентифицирует. На-

¹ Позиция автора-рассказчика, его сходство и несовпадение (не полное совпадение) с писателем, в том числе и в биографическом аспекте, были предметом рассмотрения в работах: Ф.М. Штейнбук, *К проблеме главного героя в книге Исаака Бабеля «Конармия»*, «Литература в контексте культуры» 2002, вип. 8, с. 29–37; И.В. Юзевович, «Лицний человек» и «тaluš». Социальные и исторические предпосылки появления «беспочвенного героя», «Тирош. Труды по иудаике» 2011, № 11, с. 35–48; И.В. Юзевович, «Лицний человек» и «тaluš». «Лицний человек» как проекция отчуждения писателя, «Тирош. Труды по иудаике» 2012, № 12, с. 233–242; И.В. Юзевович, Герой-бунтарь в контексте прозы И.Э. Бабеля, «Вестник славянских культур» 2020, т. 55, с. 173–185; Е.И. Погорельская, Конармейский дневник Исаака Бабеля в контексте биографии, истории и литературы, дис... канд. филол. наук, Москва 2022.

² Исторический, дневниковый, хроникальный характер произведений Бабеля, Конармии в первую очередь, затрагивают Л. Дарьялова, *Проблемы историзма повести И. Бабеля «Конармия»*, «Учёные записки Калининградского университета» 1968, № 1, с. 109–122; Э. Коган, *Работа над «Конармиею» в свете полной версии «Планов и набросков»*, «Вопросы литературы» 1995, № 1, с. 78–87; И. Сухих, О звёздах, крови, людях и лошадях: 1923–1925. «Конармия» И. Бабеля, «Звезда» 1999, № 12, с. 222–232; Ф.М. Штейнбук, *О мотивах и толосах «Конармии»* И.Э. Бабеля, «Культура народов Причерноморья» 2002, № 34, с. 95–98; И.А. Есаулов, *Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля*, Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», София 2011; Г.С. Жарников, *Поэтика «переходного мира» в прозе Исаака Бабеля (на материале циклов «Конармия» и «Великая Криница»)*, дис... канд. филол. наук, Самара 2018. Размышления на тему историзма и биографизма можно также найти у авторов обширного (792 с.) издания: Е.И. Погорельская (отв. ред.), *Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век*, Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г., Книжники – Гос. литературный музей, Москва 2016.

ходясь внутри, оно в нем обособленно, имея способность смотреть и оценивать наблюдаемое с собственной, и при этом осознаваемой, позиции, хотя и не со стороны. То же можно увидеть у Бабеля и в приложении к еврейским контекстам³.

Приведенное замечание важно для понимания главного в отношении того, о чём речь. Внутренним побуждением предлагаемого рассмотрения было то, что можно представить как отображаемую в тексте произведения картину еврейского, но не присутствия, не бытия, а положения, места и функции — в том, что его окружает, а окружая, вбирает, не поглощая и не адаптируя. Не параллельно то и другое и неозвучно одно в другом, гармонии нет, как и нет резонанса, а то, что есть, можно считать включенной позицией, которую следует определить. Мир еврейского у Бабеля не изолирован в том, что его окружает, но, будучи собственным, взаимодействует с ним и участвует в нем. Своим, также собственным, образом.

Говоря о картине еврейского отражения, значимым для такого анализа представлялись места, — с одной стороны, передвижения, следования тех, кто мы и кто наши, т.е. конармии, а с другой своей стороны, и это было бы определяющим, возникновения частых и неизбежных при этом передвижении еврейских мотивов и образов. С появлением где-либо, в каком-то городе, поселении, местечке, повествователь постоянно и неизменно сталкивается в нем с еврейским присутствием. Важен, однако, не столько сам этот факт, сколько то, что в каждом таком возникающем месте находит свое выражение нечто имеющее свое отношение к постепенно себя собирающей в некую связную общность картине⁴. Взаимодействуют

³ Затрагиваются эти вопросы, но как попутные, в ряде работ, специально об этом, хотя с иной стороны, см. М. Фридберг, *Еврейские фольклорные мотивы в «Конармии» Бабеля* // Б. Аверин, Э. Нитрауэр (ред.), *Русская литература XX века. Исследования американских ученых*, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Петро-РИФ, Университет Джеймса Медисона (Вирджиния, США), Санкт-Петербург 1993, с. 436–445; А.В. Подобный, *Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» 2008, № 71, с. 122–129. О евреях, еврейском и месте еврейского в творчестве Бабеля, в том числе и в философском аспекте, см. оригинальную и интересную работу: А.К. Жолковский, М.Б. Ямпольский *Бабель/Babel, Carte Blanche*, Москва 1994.

⁴ Возникающая в данной связи проблема жанра, а также стиля и языка анализируемого произведения, которая, с точки зрения поставленной задачи, не могла нас интересовать, по-разному определяемая и характеризуемая у разных авторов, как дневник, дневниковые записи, сборник новелл, рассказов, сказовый цикл, историческая хроника и пр., в том числе с учетом особенностей композиции, — эта проблема находит отражение в работах: В.В. Тарасова, *Стиль Исаака Бабеля («Конармия»)*, дис... канд. филол. наук, Екатеринбург 1999; Ф.М. Штейнбук, *Прерывность непрерывного как основа композиционного единства «Конармии» И.Э. Бабеля*, «Література в контексті культури» 2002, вип. 7, с. 99–105; Ф.М. Штейнбук, *Циклізація як засіб осягнення глибинних змістів: На прикладі «Кінармії» І.Е. Бабеля*, «Всесвітня література в середніх навчальних закладах України» 2002, № 12, с. 54–55;

в ней статическое и динамическое, статическое как свойственное и постоянное, или константное, и статическое наблюдавшего переменного; равно как и динамика свойственности и динамика изображения, динамика наблюдаемого. Возьмем для примера первый такой еврейский контекст:

Поздней ночью приезжаем мы в Новоград. Я нахожу беременную женщину на отведенной мне квартире и двух рыжих евреев с тонкими шеями; третий спит уже, укрывшись с головой и приткнувшись к стене. Я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году — на Пасху.

— Уберите, — говорю я женщине, — как вы грязно живете, хозяева...

Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают обломки с полу, они прыгают в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке, их шеи пухнут и вертятся. Они кладут мне распоротую перину, и я ложусь к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем. Пугливая нищета смыкается тотчас над моим ложем⁵ (с. 6).

Идя по порядку, то, что Я нахожу, можно считать статическим наблюдаемого, равно как и беременную женщину, на отведенной мне квартире, двух рыжих евреев и все остальное, до Уберите, которое заряжено динамично, динамикой изображения. Его подытоживающее заключение как вы грязно живете, хозяева будет статическим свойственным, постоянным (равно как и посуда на Пасху). Далее следует динамика наблюдаемого: Два еврея снимаются с места, прыгают, убирают, шеи их пухнут и вертятся, кладут, я ложусь. То, что на войлочных подошвах, обломки с полу, в безмолвии, по-обезьяньи, распоротую перину, будет статическим свойственным, характеризующим образы отображаемой еврейской картины. То, что к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем, есть статика изображаемого; Пугливая нищета смыкается — динамика свойственного при тотчас над моим ложем, которое будет статикой изображаемого.

Ф.М. Штейнбук, Жанровое своеобразие и внутреннее единство «Конармии» И.Э. Бабеля, дис... канд. филол. наук, Ялта 2002; Ли Су Ен, Поэтика циклов И.Э. Бабеля «Конармия» и «Одесские рассказы», дис... канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2005; К.А. Кадырова, Жанровое своеобразие новелл в книге И.Э. Бабеля «Конармия», «Вестник Дагестанского государственного университета» 2008, вып. 4, с. 40–45; М. Соколянский, Книга новелл или роман? (о жанре «Конармии Бабеля»), «Проблемы сучасного літературознавства» 2012, № 16, с. 111–120; З. Бар-Селла, Иосиф Ужасный: От текстологии к композиции // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте..., с. 44–74. Многосторонний анализ книги, не только жанровый в том числе, но и текстологический, можно найти в работе: Г.А. Белая, Е.А. Добренко, И.А. Есаулов, «Конармия» Исаака Бабеля, РГГУ, Москва 1993.

⁵ И. Бабель, Конармия, третье издание, Государственное издательство, Москва–Ленинград 1928. Все цитаты взяты из этого издания, номера страниц указаны в тексте в скобках.

Возникающая в результате картина складывается в данном месте (*Новоград, в отведенной квартире*) из признаков, определяемых как состав (женщина, два еврея плюс третий), внешний облик (беременная, рыжие с тонкими шеями), положение (спит, укрывшись с головой и повернувшись к стене), внутренность помещения (развороченные шкафы, обрывки женских шуб на полу и все прочее в отведенной мне комнате), предметы (шкафы, женские шубы, посуда, перина), одежда и обувь (на войлочных подошвах), движения (снимаются с места, убирают обломки с полу, прыгают, в безмолвии, по-обезьяньи, шеи пухнут и вертятся, кладут мне распоротую перину). И в этой картине находит свое выражение то, что общее, то, что свойственное, и то, что делает ее актуально привязываемой к данному, как еврейскому, расположению, в том, что его окружает и что существует, в нем отражаясь и вторгаясь в него.

Это последнее, через общий военный контекст и аспекты просматриваемого разорения — развороченные шкафы, то, что валяется на полу, распоротая перина, — делает представление о свойственном значимым в том отношении, что оценку автора (как вы грязно живете, хозяева), равнодушие к месту, пугливую нищету следует воспринимать как следствие произведенного разграбления⁶, направленного со стороны враждебно настроенного внешнего на то, что необходимо определять как еврейское существование и бытие, в данном его пространственном проявлении (восточная Польша, западная Украина).

Находит свое выражение в приведенном отрывке и позиция повествователя, в трех себя повторяющих также впоследствии проявлениях — наблюдателя, оценивающего и участника. Позиции эти, как правило, не совместимы: первое отражает себя в описаниях, второе — обычно в репликах, а участие — в производимых действиях и заключающих их комментариях.

Касаясь затрагиваемого вопроса изображаемой картины еврейского разорения, в данное изображаемое время, в данных местах, равно как и еврейского бытия, в данном пространственном проявлении, следует обратить внимание на то, какие семантические проекции позволяют автору этот вопрос представлять. Часть из них была названа в приведенном порядке

⁶ Ср. такие высказывания: «В Конармии перед нами разворачиваются картины медленного угасания еврейской окраины», «В первой же новелле цикла... явственно раскрывается образ Смерти», «Два плана создает Бабель: смерть привычных устоев жизни и веры («Я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате...») и смерть человека («Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь...»)». (А.В. Подобрий, *Еврейский мир...*, с. 123).

состава, положения в смысле занимаемой позы (*спит, укрывшись с головой и приткнувшись к стене*), внутренности помещения, предметов и пр. Другая часть находит свое отражение в последующих фрагментах. Прежде чем передать ее в полном текстовом виде, значимым для производимого рассмотрения будет введение еще одного основания — того, что, следуя из описания, проявляет себя как определяющие параметры наблюдаемого, или признаки свойственного, проприативного, в отношении того, что еврейское, в представлении автора.

Покажем это на том же отрывке. В том, что изображается как объект описания, видим мы, для состава, беременную женщину, двух рыжих евреев с тонкими шеями и третьего спящего, укрывшегося с головой и приткнувшегося к стене. Далее следуют, во внутренности помещения и как предметности, развороченные шкафы, со всем тем, что, разорванное, разбитое, обломки и мусор, включая черепки сокровенной посуды для Пасхи, валяется на полу. После чего, с переходом от обращения повествователя к хозяевам, возникают движения: «Два еврея снимаются с места. Они прыгают, убирают обломки, их шеи пухнут и вертятся, кладут мне распоротую перину, к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем».

Что представляет и что содержит в себе такая картина, не сама по себе, не как картина увиденного, а как картина еврейского состояния, в данном месте, в данное время, в данном пространственном проявлении? Если бы не было этого важного автору на еврейском акцента, не повторялось бы им то, что два рыжих еврея, что у евреев на Пасху и все остальное, в том числе также далее. Автору это важно, стремится он это отобразить, показывая, что оно есть такое и в чем его специфичность, отделяясь в изображаемом от прочего. Средствами этого различия (об обособлении не хотелось бы говорить) становятся для него представляемые им картины и образы.

Исходя из этого, определяющими параметрами семантики этих образов и картин, как проекций изображаемого, были бы 'бросающаяся в глаза нерегулярность состава', определяемая к несимметрической и экстравертной декомпозиции женского и мужского, беременной женщины, двух рыжих евреев с тонкими шеями и третьего спящего, укрытого с головой и к стене; 'дисгармонирующие несоответствия предметностей, их поражающая взгляд неуместность, бескруживающая несвойственность месту', — валяются разбитые, в беспорядке и там, где им не положено быть; 'стремительно-прыгающая суетливость, молчаливое мельтешение, из-

быточная моторность в движениях', подчеркиваемые словами в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке.

Последовательно представляемые автором картины еврейского положения в том, что изображается (еврейская тема отражает себя в Конармии с начала и до конца, от первого — *Переход через Збруч*, до последнего — *Сын рабби*, композиционного компонента), — картины эти можно подразделить на две неравные и не прямо соотносимые части. Внешнего, наблюдющего, вхождения и подключенного, взаимодействующего и участвующего, с пограничным, промежуточно-переходным, вхождением, через нарастающее включение инородного, с его позицией, взглядом и отношением к тому, что свое и еврейское, с его стороны. Особенность описания, в отношении двух указанных нами частей, заключается в том, что первое отражает себя во втором, а также и в переходном, пронизывая его и присутствуя в нем, воспринимаясь при этом не исключительно с точки зрения внешнего повороте.

Две эти части передают себя в определяемой нами картине в не совпадающих семантических проекциях — того, что внешнее, и того, что не внешнее, что, не будучи внутренним или не исключительно внутренним, способное отражаться во внешнем, другое по своему существу. Покажем данное положение в параметрах. Для первой части такими предпочтительными и определяющими можно считать то, как некая данность выглядит, что она собой представляет, и это были бы:

1) люди, лица, субъекты в проекциях 1a) внешнего вида как наблюдаемой формы телесных черт, 1b) одежды, обуви, 1c) движений, 1d) положения как позы, 1e) занятий;

2) не люди, предметности, объекты наблюдаемого внешнего, определяясь далее как 2a) предметы (вещи), 2b) строения, помещения (конструкты), 2c) внутренний вид помещений, их признаки (интерьеры), 2d) назначение помещений, строений (конститутивы), 2e) продукты питания (нутритивы);

3) межличностные отношения 3a) в своей среде, между собой, 3b) внутрисемейные, между членами данной семьи, 3c) со стороны не еврейского окружения, 3d) в обратную сторону, от еврейской среды к не еврейскому окружению, как в целом, так и в его представителях.

Вторая часть, включая в себя перечисленные параметры первой, поворачивает их к себе еще одной, внутренней, стороной, определяя в них и выводя на поверхность, дополнительные аспекты и смыслы. Тем самым, и лица, субъекты,

и объекты не люди, равно как и отношения между людьми, как внутри среды, так и к тем, кто ее окружает, будут себя повторять, но в других своих положениях. Подготавливает эту вторую, более погруженную часть, как уже отмечалось, переходная, промежуточная, характеризующаяся тем, что внешнее не еврейского окружения, взаимодействуя с еврейской средой в ее представителях, находясь внутри этой среды, дает возможность увидеть в ней новые, уточняющие, значения и оттенки. В развивающемся в своей последовательности описании в тексте, с точки зрения участующих, выглядит это не совпадающим образом. Для первой части повествователь, автор, выступая первоначально в роли приходящего наблюдателя и, через им представляемое, оценивающего, взаимодействует, в основном вербально, с представителями еврейской среды: Повествователь ↔ Субъекты, лица.

Промежуточный переход от первой части ко второй характеризуется иным характером взаимодействия. Приходящими и при этом не наблюдателями выступают представители не еврейской среды, которые при вхождении и взаимодействии с теми, кто в ней, проявляют себя в этой среде, обращаясь в ней как особенной, обособленной, и, если не чуждой, то посторонней. Взаимодействие при этом имеет не только вербальный характер, но и предметно-акциональный, предполагая действия, выражаемые как непосредственно, так и при посредстве каких-то объектов. Характер такого взаимодействия не равен и не симметричен. То, что исходит, в предметах и действиях, со стороны не еврейского окружения, не соглашается, отличаясь значимым образом, от того, что исходит от еврейской среды к тем, кто вне: Представители окружения → / ← Представители определяемой среды.

Вторая часть характеризуется усилением как верbalного, так и предметно-акционального, участвующего, подключение повествователя к отображаемой им еврейской среде в ее представителях, которую он показывает, с одной стороны, как свою, а с другой, как такую, которая не есть среда его принадлежности, как в социально-географическом, так и функционально-деятельностном и идеологическом отношениях. Автор, на что он прямо указывает, обращая внимание на отличия, не происходит из этих мест, не является представителем описываемой им еврейской среды, не ортодоксален и не религиозен, хотя с традицией не только знаком, но и следует ей в каких-то возможных случаях, и, что самое главное, он является тем, кто описывает, приняв на себя таковую роль, то, что

видит и в чем принимает участие. А это не что-нибудь, а военные действия. Все это не свойственно тем представителям, с которыми он в своей такой ролевой позиции сталкивается. Взаимодействие во второй части по внешнему виду выглядит так же, как в первой, с переходом от остающейся неизменной, но по-новому представляемой, позиции наблюдателя к позиции того, кто комментирует и участвует, как вербально, в репликах и разговорах, так и невербально, в производимых совместно перемещениях, субботнем присутствии, эмоциональных сочувствующих состояниях и осуществляемых действиях: Повествователь-участник ↔ Представители местной еврейской среды.

Подготавливающим вхождением от промежуточно-переходного изображения к подключенно-участвующему, определяемому как вторая часть, становится то, что проецирует внутренне свойственное, на фоне социально (не)одобряемого и общепринятого, противодействующее ему, но не противоборствующее, замыкающееся в себе, сочувствующее сострадание к человеческому, к страху, томлению, ожиданию в нем, его обойденности и всеобщему пренебрежению. Воплощением данного отношения становится история Деборы, рассказанная Аполеком, брачная ночь которой «кончилась недоумением и слезами». Охваченная страхом при виде «мужа, приблизившегося к ее ложу, она изрыгнула все съеденное ею за свадебной трапезой. Позор пал на Дебору, на отца ее, на мать ее и на весь род ее. Жених оставил ее, глумясь, и созвал всех гостей». В этом месте наступает неожиданный переход. Преисполненный сострадания, Иисус, возложив одежду новобрачного, принимает на себя его роль. После чего «она вышла к гостям, шумно торжествуя и лукаво отводя взоры, как женщина, которая гордится своим падением. И только Иисус стоял в стороне. ...Никем не замеченный, он вышел из пиршественного зала и удалился в пустынную страну, на восток от Иудеи» (с. 29).

В данном месте значимы для понимания все взаимодействующие и участвующие позиции: рассказчика, который Аполек и не еврей, но историю рассказывает в еврейском шинке и еврею-повествователю (и это вторая позиция, слушателя и пересказчика). Обе эти позиции, но не равно, представляют вхождение, оценку и характеризующий взгляд извне и со стороны. Позиция главной героини Деборы, страдательная и беззащитная. Позиция мужа ее, приходящего в брачную ночь, глумящегося над ней и позорящего ее, лишенная тени сочувствия

и понимания. Позиция тех, от кого исходит позор и кто поддерживает не состоявшегося супруга в его глумлении, не по причине присутствующего в них зла и несочувствия, а по условиям существующих социальных норм и порядка. Позиция отца героини, матери и всего рода ее, которые вынуждены, по тем же условиям, принять на себя позор, став объектом пренебрежения и исключения. Позиция Иисуса, как сочувствующего и своего по среде, а не своего по принятым в ней нормативам неодобрения, презрения, исключения тех и того, кто по каким-то причинам выходит за их пределы. И, наконец, последняя — позиция женщины, которая гордится своим падением, не потому, что это падение, а потому, что оно освобождает ее, от страха, задавленности, томления, ожидания, давая ей исполнение и позволяя без опасения и оглядок осуществлять свою женскую роль.

Параметры второй части, как уже отмечалось, включают в себя те, что были типичны для первой, поворачивая их к себе еще одной стороной и добавляя к ним нечто новое. Более пристальное и входящее, погружающееся, вхождение, предполагает свой собственный план, обусловленный изменяющимся перемещением-переходом, от одного положения к другому. То, что было и как проявляло себя на отведенной в Новограде квартире, то, что обнаруживает себя в корчме Шмереля «на Ровненском шоссе, в двух верстах от городской черты» (не случайна эта позиция за городской чертой, равно как и появляющиеся в этой корчме не евреи), и то, с чем повествователь далее сталкивается в своих передвижениях и походах, — Житомир (*Гедали, Рабби*), Путь в Броды, Кладбище в Козине, Берестечко, бои под Лешнювом, Сокаль, Вербы, Замостье, у Ковеля, не доеzzя Ровно (*Сын Рабби*), — все это, включая в себя предшествующее и взаимодействуя с ним, предполагает развитие и дополнительный поворот.

Вторая часть, оставляя повторяющиеся параметры внешнего вида, одежды, движений, занятий; предметов, строений и помещений с их внутренним видом; межличностных отношений в своей среде, между членами данной семьи, со стороны не еврейского окружения и в обратную сторону, — добавляет к ним представления о субботе, открываемые воспоминаниями детства, изображение европейской лавки старьевщика, описание кладбища и броскую характеристику синагог, рассуждения о смерти и вечности (еврейской матери и хасидизма), о готовности и вместе с тем неспособности к восприятию революции и того, что она несет, об утрате прежнего состояния

и беспросветности нынешнего, об упорстве духовного выбора и, наконец, о еврейском (и единичном) участии в изображаемой войне.

Попробуем все это в какой-то, хотя бы неполной, последовательности отобразить. Начнем с открывающих переход к погружению в то, что еврейское внутреннее и духовное его существо, воспоминаний повествователем детства:

В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний. Когда-то в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзра. Старуха моя в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала. Детское сердце раскачивалось в эти вечера, как кораблик на заколдованных волнах. О, истлевшие талмуды моего детства! О, густая печаль воспоминаний! (с. 36)

Воспоминания наплывают перед субботой, и это вечер, когда мой дед... и т.д. Возникает перед глазами картина, в которой определяемо значимыми становятся желтая борода (желтый цвет появляется неоднократно в описаниях внешнего вида евреев⁷, а также стен синагог), кружевная наколка, узловатые пальцы, сладкое рыданье над субботней свечой. К этому стоит добавить «томы Ибн-Эзра и истлевшие талмуды (моего детства)». Описываемое в воспоминаниях представляет то, что, будучи связано для евреев с субботой, передает пропущенную повествователем через себя 'атрибутику прерывания действующего и деятельного состояния в недействии и недеянии', с тем чтобы, через обретение покоя, можно было затем перейти к последующему в своих совершениях этапу. Отсюда густая печаль, покрывающая картину прежнего и отошедшего, не исполняемого теперь, положения. Возможен, через отношение к той же субботе, какой-то свой переход, но это не будет тем, что было прежде, и с ним при этом не связано.

Воспоминания детства сменяются тем, что видит повествователь перед субботой теперь:

Я кружу по Житомиру и ищу робкой звезды. У древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен старые евреи продают мел, синьку, фитили, — евреи с бородами пророков, с страстными лохмотьями на впалой груди...

⁷ Можно ли это рассматривать с точки зрения символики отчуждения, исключения, обособления, отделения либо чего-то другого (ср. устар. желтый дом, а также желтый цвет поясов, шляп у евреев в средневековье, и, наконец, желтая звезда Давида) — вопрос, который можно поставить, но в данном месте не стоит, в связи с текстом Бабеля, на него отвечать, поскольку это требует погружения в замыслы и ассоциативные представления автора, что не входило в задачу.

Это также и продолжение цитаты из текста, должно быть набрано, как предыдущее

Рассмотрим данный фрагмент, представляя его в семантических признаках.

Первый ряд составляют предикатно себя воплощающие мотивы не реализуемого поиска: *кружу – ищу (робкой звезды) – /вижу/ – передо мною базар и смерть базара – немые замки – гранит мостовой* – как лысина мертвца = *робкая звезда (мигает и гаснет)*. Нет того, что ищется, оно нemo и умерло, остался могильный гранит, отсвечивая чем-то напоминающим череп, и это единственный свет, точнее от света, того, что имеется.

Второй ряд — объекты наблюдаемого внешнего, распадающиеся на три проявления:

— строения: *древнее + желтое + равнодушное + стены = синагога* (место собрания и молитвы), из чего следует представление об отстраненности, давности, оставленной глухости, обнаруживая себя как отодвинутое во времени, в прошлое, положение некогда объединившей общности, перекликаясь с тем, что осталось как воспоминания и только в них;

— внешний вид представителей местной среды: *старые – продают (мел, синьку, фитили) – с бородами пророков – с страшными лохмотьями – на впалой груди*, из чего следует дополняющее представление для второго, в строениях, а также первого, в не реализуемом поиске, через признаки отошедшего (*старые*), мелко-ненужной случайности (в том, что они *продают*), нереальности, а точнее не этой реальности, то ли бывшее, то ли не бывшее, неуместное здесь и сейчас (*с бородами пророков*), несоответствия экзальтированной эмотивной приподнятости протерто-оборванному, нищему состоянию (*с страшными лохмотьями*) в слабости, неспособности и раздавленности *впалой груди*;

— пространственно обусловленные предметности: *базар (и смерть базара) – немые замки – на лотках – гранит мостовой*, из чего следует представление об экзистенциально отмеченном состоянии, связываемом с заброшенностью, разорением, мертвым дыханием отошедшего в прошлое застыивания.

Третий ряд — связанные с последним параметром предыдущего ряда занятия: *старые – продают – мел, синьку, фитили*, из чего следуют признаки, передаваемые такими словами, как ‘что попало и лишь бы что’, ‘перебиться хоть чем-нибудь’, ‘ухватиться за любое возможное, чтобы не умереть’. Передать

это можно как состояние крайней отчаянности, последней капли и издохания.

Представляемая в этом фрагменте картина отображает не столько нужду, что было бы свойственно и не ново, сколько заброшенность, запущенную оставленность и разорение. То, что было когда-то, ушло, не найдя достойно возможного замещения. Пусто, глухо, немо, мертвое, а проблески робкой звезды в ее ожидаемом в поисках восхождении — это только гранит мостовой и лысина мертвца.

Нереальность, точнее все та же не-эта-реальность, не согла-сующаяся с тем, что положено видеть и ожидать, не контрастирующая с ним, но существующая в нем сама по себе, — эта форма изображения как движущий все остальное и в нем отражаемый мотив, появляется в лавке старьевщика Гедали, которая «спряталась в наглухо закрытых торговых рядах», а также и в том, что себя наблюдает впоследствии. Места эти, как перед этим люди и действия в новоградской квартире, в корчме Шмереля на Ровненском шоссе, передаваясь в своей отде-ляющей от того, что их окружает, обстоятельности, предстают островами еврейского, тлеющего и неизменного, бытия. На-ходит это свое выражение как в отмечаемых признаках внеш-него, так и во многом другом. Поскольку в силу небольшого объема невозможно развернуто данное положение показать, ограничимся замечаниями, лишь намечающими способный быть произведенным в дальнейшем анализ. Просмотрим для этого весь материал еврейских контекстов в Конармии Бабеля по ранее обозначенным, а также новым признакам, проиллюстрировав их примерами, которые в ряде случаев будут да-ваться в измененной в исходную форме.

Признаки наблюдаемой внешности:

— состав (лица, число и соотношения): *беременная женщина и два еврея, третий спит, мертвый старик*;

— фигура, тело, его внешний вид: *беременная* (женщина), *тонкие шеи* (у двух евреев), *шеи пухнут и вертятся*, *худые ноги* и *круглый живот* (у женщины); *узловатые пальцы* (старухи над субботней свечой); *впалая грудь* (у старых евреев); *белые ручки, мягкие ладони* (у старьевщика), *крохотный, одинокий, мечтательный* в черном цилиндре и с большим молитвенником под мышкой (он же); *худые пальцы* (у рабби Моталэ); *горбатый старикашка, ростом не выше десятилетнего мальчика* (реб Мордхэ); *плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов; как пестрая птичка* (Гедали); *монашеские пальцы* (у рабби Моталэ); *узкоплечие евреи; образ южных евреев, жовиальных,*

пузатых, пузырящихся, как дешевое вино; (горькая надменность) длинных и костлявых спин; узкие чресла (у раввинов на горельефах); сутулый юноша в очках; сутулый еврей; корчились фарфоровые ножки; похожие на старых негритянок, еврейки с непомерными грудями; как ободранные птицы; смешной Гедали; истлевшие пальцы, худые пальцы (у рабби Моталэ); протянул за листовой грязную мертвую руку; переломленный надвое солдатской котомкой (сын рабби); голые колени, неумелые, как у старухи; длинное застенчивое тело умирающего; чахлая нежная курчавая мужественность исчахшего семита;

— лицо: два рыжих (еврея); смеющееся лицо, обведенное медными кудрями (у Брайны); желтая борода (у деда); с бородами пророков; сивая бороденка, узкая борода, дымчатые глаза (у старьевщика); желтый пух бороды (у рабби Моталэ); с вывороченными веками (реб Мордхэ); юноша с лицом Спинозы, с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини; кровоточащее мясо развороченных век (у Мордхэ); желтые трагические бороды; в страстных чертах, вырезанных мутильно, нет жира и теплого биения крови; под безглазыми лицами волнистая каменная линия завитых бород (на горельефах); серебряная борода (старого еврея); подслеповатый еврейский юноша, с чахлым и сосредоточенным лицом талмудиста; курчавый жиденок с клочковатой бородкой и низким сморщенным лбом; впалые щеки, над закрывающимися от боли глазами выгнулись тонкие рыжие брови; заросшие рты; безжизненное покорное прекрасное лицо (сына рабби);

— одежда, обувь: войлочные подошвы; (старуха) в кружевной наколке; (страстные) лохмотья; дымчатые очки, зеленый сюртук до полу, цилиндр, зеленый сюртук с костяными пуговицами (у Гедали); соболья шапка и белый халат, стянутый веревкой (у рабби Моталэ); оборванный (Мордхэ); раввины в меховых шапках, подпоясаны ремнем (на горельефах); в рваных лапсердаках; в жилетках; в тулупе; петушиные перышки цилиндра; изодранный карман; талес; принц, потерявший штаны (сын рабби); поправили на нем упавшую одежду (об умирающем);

— движения, действия: снимаются с места, прыгают, убирают обломки с полу, прыгают в безмолвии, по-обезьяньи; (женщина) шарит (пальцами по моему лицу), встряхивает (перину); поглаживал (желтой бородой томы Ибн-Эзра); ворожила над субботней свечой и сладко рыдала; расхаживает (вокруг своих сокровищ), потирает (белые ручки), щиплет (сивую бороденку), склонив голову, слушает невидимые голоса, вьется (в лабиринте из глобусов, черепов и мертвых цветов),

помахивает (пестрой метелкой), сдувает (пыль с умерших цветов), свертывает и разматывает (узкую бороду); поплескал (водицы на мягкие ладони), застегнул (свой зеленый сюртук на три костяные пуговицы), обмахал себя петушиными перьями (Гедали); рылся (худыми пальцами в желтом пухе своей бороды); спросил и приподнял веки, прошептал и сомкнул веки (рабби Моталэ), сказал (цадик) и затряс бородой; подскочил (реб Мордхэ); стонали над молитвенниками (плечистые евреи); курил и вздрагивал, как беглец, приведенный в тюрьму после погони (сын рабби); (реб Мордхэ) подкрался (к нему сзади), вырвал (папирису изо рта), отбежал (ко мне); прохрипел (Мордхэ), придинул ко мне (кровоточащее мясо развороченных век), погрозил (юноше кулаком), плюннул (ему в лицо); переломил хлеб (рабби Моталэ); (сын рабби) курил одну папирису за другой; забормотал (Мордхэ за моей спиной), дернулся (меня за пояс); движения галицийского и волынского еврея несдержаны, порывисты, оскорбительны для вкуса; (старик) взвизгивал и вырывался (из рук казаков); передвигался впропрыжку, с недовольным видом, как будто ему жали сапоги; (еврей) закинув голову, горестно и сильно свистел в металлическую дудку; бралились (на площади) и (в непонятном ослеплении) таскали друг друга; кричали, извиваясь, разевали (заросшие) рты; звякали медяшками (в изодранном кармане); вцепившись в талес истлевшими пальцами, молился (у восточной стены); протянул (за листовкой грязную мертвую) руку; (колени) стукались о ржавое железо ступенек; царапая грудь и корчась в жару, прошептал; затихая, закричал с отчаянием;

— позы: спит, укрывшись с головой и приткнувшись к стене; (мертвый старик) лежит, закинувшись навзничь; (рабби Моталэ) сидел у стола с закрытыми глазами; уселись все рядом — бесноватые, лжецы и ротозеи; дремал у стены (Гедали); (узкоплечие евреи) грустно торчат на перекрестках; сила их скорби полна сумрачного величия (о галицийских и волынских евреях); стоял на прежнем месте и сквозь очки всматривался в казаков внимательно и высокомерно; с поднятыми плечами стояли у своих порогов; (доктор Явейн) только насмехался разными улыбками, стоя в окошке своего госпиталя; сидит за столом, стол его набит бумагами, он ничего не может понимать в этих бумагах; кидает глазами то туда, то сюда; делал фигуры и смешки; (умиравший) в углу на драном тюфяке (последний принц);

— особенности поведения: (в бою) *выказывал осмотрительное мужество и хладнокровие*, которое походило на рас сяянность мечтателя.

Люди (живущие и умершие): *беременная женщина, два рыжих еврея, третий спут, мертвый старик; старые (евреи); старьевщик Гедали; рабби Моталэ, последний рабби из Черно быльской династии; реб Мордхэ; сын рабби Илья; «Азриил, сын Анании, уста Еговы. Илия, сын Азриила, мозг, вступивший в единоборство с забвением. Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне. Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский»* (надпись на могильном камне).

Занятия: *корчмарь; (старые евреи) продают мел, синьку, фитили; цадик; перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя; талмудисты, державшие на откупу кабаки, раввины, занимавшиеся ростовщичеством; интендант; (евреи) связывали нитями ножи вы русского мужика с польским паном, чешского колониста с лодзинской фабрикой; контрабандисты, лучшие на границе; разносчики и маклеры; старьевщик.*

Положение: *легкий запах тления* (в лавке древностей); (внизу на площадке собрался) митинг, пришли крестьяне, евреи и кожевники из предместья; посреди *вольного населения* по национальности евреев; *вольные евреи* местечка Козин.

Речь (особенности построения⁸): «— Пане, вы кричите со сна и вы бросаетесь, вы толкаете моего папашу; — Откуда приехал еврей? — Чем занимается еврей? — Чему учился еврей? — Чего ищет еврей?; — Пусть молодой человек займет место за столом, пусть он ест в этот субботний вечер вместе с остальными евреями, пусть он радуется тому, что он жив, а не мертв, пусть он хлопает в ладоши, когда его соседи танцуют, пусть он пьет вино, если ему дадут вина; — Мой дорогой и такой молодой человек, если бы на свете не было никого, кроме злых богачей и нищих бродяг, как жили бы тогда святые люди?»

Предметы:

— внутри помещений: *развороченные шкафы, обрывки женских шуб на полу, черепки сокровенной посуды; золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер с выгравированной датой 1810, сломанная кастрюля, пуговицы, мертвая бабочка, глобусы, черепа, мертвые цветы, пестрая метелка из петушиных перьев, бочонки из-под пива* (в лавке древностей);

⁸ Вопрос организации и строения европейской, русско-еврейской, речи не только украинских местечек, сюда же, отчасти, еврейский юмор и анекдоты, весьма интересен, приведенные фрагменты могут служить лишь его иллюстрацией, без каких-либо определений.

— личной принадлежности: *рассыпавшиеся вещи* (красноармейца Брацлавского); все было свалено вместе – *мандаты агитатора и памятки еврейского поэта; портреты Ленина и Маймонида; прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии; на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов; страницы песни песней и револьверные патроны; среди стихов, филактерий и портнянок;*

— духовного назначения: *томы Ибн-Эзра; истлевшие талмыды* (моего детства); *талмуд, комментарии Раше, книги Маймонида; большой молитвенник* (под мышкой); *завеса шкапа, свитки торы, завороченные в рубашки из пурпурного бархата и голубого шелка;*

— связанные с умершими, сохраняющие память о них: *обточенные серые камни с трехсотлетними письменами; грубое тиснение горельефов; зазеленевшие скрижали с витиеватой молитвой бедуина.*

Помещения:

— внутренний вид: *прокопченные стены* (еврейского шинка); *комната каменная и пустая, как морт; хищные зрачки свечей мигали в комнате рабби;*

— проявления не своего: *звуки гейдельбергских песен огласили* (стены еврейского шинка).

Строения:

— назначение: *корчма, лавка древностей, торговые ряды, синагоги, харчевня, кладбище, склеп, дома, сараи, подвалы и конюшни* (во время войны в них спасаются от пуль и грабежей), *домишко, кухни;*

— месторасположение: *(корчма) на Ровненском шоссе, в двух верстах от городской черты; под дубом, размозженным молнией, стоит склеп рабби Азриила;*

— внешний вид: *у древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен; длинный дом с разбитым фронтом; выщербленный камень синагоги; (присела к нищей земле) синагога, безглазая, щербатая, круглая, как хасидская шляпа; (усыпальница) нищая, как жилище водоноса; просторные дома, вымазанные белой или водянисто-голубой краской; традиционное убожество этой архитектуры насчитывает столетия; (за домом тянется) сарай, в два, иногда в три этажа, в нем никогда не бывает солнца, сараи эти, неописуемо мрачные, заменяют наши дворы; потайные ходы ведут в подвалы и в конюшни; в обугленных домишках, в нищих кухнях.*

Продукты питания: *изюмная водка, благовонная зраза.*

Пространственные объекты:

- обособленность, несмешение: (кривые крыши) житомирского *гетто*; вороватые огни в теснинах его *гетто* (Замостья); больше всего здесь евреев, а на окраинах расселились русские мещане-кожевники (Берестечко);
- отдушина: Одесса — благочестивый город, звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий;
- заброшенность, неприглядность: безжизненные еврейские mestечки (лепятся у подножия панских фольварков); быт выветрился в Берестечке (а он был прочен здесь); (Берестечко) нерушимо воняет и до сих пор, от всех людей шибет запахом гнилой селедки, mestечко смердит (в ожидании новой эры); вместо людей по нему ходят сливавшие схемы пограничных несчастий;
- экзотичность: кладбище в еврейском mestечке — Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном Волынских полях;
- еврейское присутствие: площадь, застроенная древними синагогами.

Отношение со стороны представителей не еврейского окружения:

- насмешливое заигрывание (отношение к женскому): пан Аполек с низким поклоном передал Брайне, жене корчмаря, лист бумаги; — *Милостивая пани Брайна, примите от бродячего художника, этот ваш портрет — как знак холопской нашей признательности*;
- объект ограбления и использования: — *Мои деньги!* — вскричал Шмерель схватил палку и пустился за постояльцами в погоню; ушел ночевать к моим обворованным евреям; *отдай на учет твой граммофон; девушки, которых насиловали польские жолнеры и из-за которых стрелялись польские магнаты; жил с казачкой Павлой, отбитой им у еврея интенданта;*
- отделяющая неприязненность, пренебрежение: повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме; Семен Тимофеич в городе Майкопе с жидами здорово спорился; берет еврея и вырывает ему бороду; Вы за Расею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете; жид всякому виноват, и нашему и вашему;
- стремление истребить: я стрелять в тебя буду, и я не могу не стрелять (потому что я — революция); убитый казаками Богдана Хмельницкого (рабби Азриил); (несколько казаков) *расстреливали за шпионаж старого еврея; поляк жидов резжет; их после войны самое малое количество останется, их двести тысяч останется;*

— признание: (был хорошим ксендзом), когда жители хотят, чтобы мы это поняли, они говорят: *его любили евреи; мужицкий атаман, выбранный ими и любимый* (о сыне рабби).

Отношение к представителям не еврейского окружения

— стремление к справедливости: (пришел приказ товарища Троцкого) *не рубать пленных, мы сами его будем судить;*

— способность сочувствия к положению: (Шмерель вспомнил розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце на своем дворике и тихий звон гармоники) *смутился духом* и, отложив палку, вернулся домой [прервав преследование забравших его деньги];

— неприятие, отталкивание: *тайное презрение к пану безгранично.*

Отношение к происходящему внешнему:

— оценка: (революция) *высыпает одну только стрельбу; революцию делают злые люди; поляки тоже злые люди;*

— ожидания (illusioн, стремление к нереальному): горе нам, где сладкая революция?; привезите немножко хороших людей, привезите добрых людей, (я хочу) Интернационала добрых людей; основатель IV Интернационала (о Гедали);

— утрата прежнего: хорошие люди торговали в ней (в харчевне), но *там уже не кушают, там плачут;*

— соучастие, причастность, включение: (только один из них) протянул за листовкой грязную мертвую руку (сын житомирского рабби); я был тогда в партии, организация услала меня на фронт, я принял сводный полк (сын рабби).

Отношения в своей среде:

— общественные (маргинальная пораженность, исключение нарушающего): узнали в апостоле Павле, Янека, хромого выкresta, и в Марии Магдалине — еврейскую девушку Эльку, дочь неведомых родителей и мать многих подзaborных детей; сын равви Илья, проклятый сын, последний сын, непокорный сын;

— внутрисемейные:

— привязанность к близким: (убейте меня на черном дворе) чтобы моя дочь не видела, как я умру, (он кончался в этой комнате и) думал обо мне, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец; я не мог оставить мою мать;

— равенство между супругами (взаимные обвинения в не-предусмотрительности в положении объекта лишения): (искренно плакала беременная еврейка, ей отвечало стонущее бормотанье долговязого мужа, они вспоминали об ограбленных вещах и) злобствовали друг на друга за нездачливость;

— межобщинные (споры, нетерпимость): ортодоксы превозносили учение Адасии, за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, спорили о Каббале, поносили имя Ильи, виленского первосвященника;

— генеративные: *четыре поколения лежат в этой усыпальнице; сын рабби, последний принц в династии.*

Отношение к вечному, высшему, внеземному:

— соблюдение традиции: *заходит суббота, евреям надо в синагогу; где можно достать еврейский коржик, еврейский стакан чаю и немножко этого отставного бога в стакане чаю?; вечерняя молитва;*

— связь с дающим и поддерживающим жизнь началом: *вечная жизнь суждена только матери, когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание, которое никто еще не решился осквернить; память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие вселенную; в страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери;*

— упорство духовного выбора: основатель несбыточного Интернационала ушел в синагогу молиться; (с вытекшими глазницами) хасидизм все еще стоит на перекрестке яростных ветров истории; воители за веру; хасидизм держал в удущивом плена это суеверное население; (мальчики в капотиках) все еще топтали вековую дорогу к хасидскому хедеру, старухи по-прежнему возили невесток к цадику с яростной мольбой о плодородии;

— «субботнее» состояние: *субботний покой* (сел на кривые крыши житомирского гетто); — благословен бог Израиля, избавивший нас между всеми народами земли; (рабби) благословил пищу, мы сели за трапезу; (сын рабби курил одну папиросу за другой) среди молчания и молитвы;

— отношение к смерти: Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне; смерть, корыстолюбец, жадный вор, отчего ты не пожалел нас хотя бы однажды?

Эмотивно-духовные состояния (позиции повествователя):

— воспоминания, томление, поиск, печаль: *густая печаль воспоминаний; кружу по Житомиру и ищу робкой звезды; томясь печалью по Трунову;*

— сочувствие, принятие: *я принял последний вздох моего брата;*

— соучастие: *я тоже толкался среди них и для облегчения моего горланил вместе с ними;*

— воображение: *едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения.*

Выбранные из Конармии и показанные в словосочетаниях по семантическим распределениям контексты позволяют представить отраженную глазами автора и повествователя картину еврейского состояния и бытия, не исключительно связанную с передаваемым моментом времени, но обусловленную местом (восточная Польша и западная Украина). Количественное неравенство получаемых параметров, при множественности внешних признаков — фигур, лица, одеяния, движений, действий, и меньшего числа всего остального, предполагает наблюдающую и описывающую позицию повествователя. Представление его картинно в отражаемых образах и, как таковое, не случайно также и по своему существу. Автор намеренно и последовательно передает прежде всего то, что видит, чего свидетелем является и что, то ли обычное, то ли необычное, бросается в глаза, задерживает взгляд, а задерживая его, сообщает о чем-то важном. С точки зрения того, что оно есть такое, еврейское, типичное для пересекаемых им в его передвижении пространственных мест. Понять и описать это будет возможным, а не только представить образно в воображении, если подойти к распределенному в параметрах материалу с определяющей в не наблюдаемой, но скрыто заложенной в нем стороны. Как это было намечено в самом начале, при характеристике 'бросающейся в глаза не регулярности состава', 'дисгармонирующего не соответствие предметностей', 'стремительно-прыгающей суетливости движений', с добавлением всего того, что себя отражает впоследствии. Организацией и соотношением полученных при таком подходе признаков-определителей можно получить субъективно отображенную, но вместе с тем и объективную, картину того, что характерно для еврейского, для него особенно и специфично, отличает его от прочего, в чем-то совпадая, проявляясь в сочетании с ним, в его окружении и на его фоне. Подобная задача, представляя собой перспективу, не могла быть поставлена и решена в предлагаемой статье.

Библиография

- Бар-Селла З., Иосиф Ужасный: От текстологии к композиции // Е.И. Погорельская (ред.), Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век, сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г., Книжники – Гос. литературный музей, Москва 2016, с. 44–74.
- Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А., «Конармия» Исаака Бабеля, РГГУ, Москва 1993.

- Дарьялова Л., *Проблемы историзма повести И. Бабеля «Конармия»*, «Учёные записки Калининградского университета» 1968, № 1, с. 109–122.
- Есаулов И.А., *Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля*, Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», София 2011.
- Жарников Г.С., *Поэтика «переходного мира» в прозе Исаака Бабеля (на материале циклов «Конармия» и «Великая Криница»)*, дис... канд. филол. наук, Самара 2018.
- Жолковский А.К., Ямпольский М.Б., *Бабель/Babel, Carte Blanche*, Москва 1994.
- Кадырова К.А., *Жанровое своеобразие новелл в книге И.Э. Бабеля «Конармия»*, «Вестник Дагестанского государственного университета» 2008, вып. 4, с. 40–45.
- Коган Э., *Работа над «Конармиеей» в свете полной версии «Планов и набросков»*, «Вопросы литературы» 1995, № 1, с. 78–87.
- Ли Су Ен, *Поэтика циклов И.Э. Бабеля «Конармия» и «Одесские рассказы»*, дис... канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2005.
- Погорельская Е.И. (ред.), *Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век*, сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г., Книжники – Гос. литературный музей, Москва 2016.
- Погорельская Е.И., *Конармейский дневник Исаака Бабеля в контексте биографии, истории или литературы*, дис... канд. филол. наук, Москва 2022.
- Подобрий А.В., *Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» 2008, № 71, с. 122–129.
- Соколянский М., *Книга новелл или роман? (о жанре «Конармии» Бабеля)*, «Проблемы сучасного літературознавства» 2012, № 16, с. 111–120.
- Сухих И., *О звёздах, крови, людях и лошадях: 1923–1925. «Конармия» И. Бабеля, «Звезда»* 1999, № 12, с. 222–232.
- Тарасова В.В., *Стиль Исаака Бабеля («Конармия»)*, дис... канд. филол. наук, Екатеринбург 1999.
- Фридберг М., *Еврейские фольклорные мотивы в «Конармии» Бабеля // Б. Аверин, Э. Нитрауэр (ред.)*, *Русская литература XX века. Исследования американских ученых*, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Петро-РИФ – Университет Джеймса Медисона, Санкт-Петербург – Вирджиния, США 1993, с. 436–445.
- Штейнбук Ф.М., *Жанровое своеобразие и внутреннее единство «Конармии» И.Э. Бабеля*, дис... канд. филол. наук, Ялта 2002.
- Штейнбук Ф.М., *К проблеме главного героя в книге Исаака Бабеля «Конармия»*, «Література в контексті культури» 2002, вип. 8, с. 29–37.
- Штейнбук Ф.М., *О мотивах и тонасах «Конармии» И.Э. Бабеля*, «Культура народов Причерноморья» 2002, № 34, с. 95–98.
- Штейнбук Ф.М., *Прерывность непрерывного как основа композиционного единства «Конармии» И.Э. Бабеля*, «Література в контексті культури» 2002, вип. 7, с. 99–105.
- Штейнбук Ф.М., *Циклізація як засіб осягнення глибинних змістів: На прикладі «Кінтармії» І.Е. Бабеля*, «Всесвітня література в середніх навчальних закладах України» 2002, № 12, с. 54–55.
- Юзефович И.В., «Лишний человек» и «тaluš». «Лишний человек» как проекция отчуждения писателя, «Тирош. Труды по иудаике» 2012, № 12, с. 233–242.
- Юзефович И.В., «Лишний человек» и «taluš». Социальные и исторические предпосылки появления, «Тирош. Труды по иудаике» 2011, № 11, с. 35–48.
- Юзефович И.В., Герой-бунтарь в контексте прозы И. Э. Бабеля, «Вестник славянских культур» 2020, т. 55, с. 173–185.